

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Щербак

**По какому рецепту
готовить модернизацию:
Есть ли взаимосвязь между
изменениями в питании
и модернизацией?**

Препринт М-93/22

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2022

Щ61 Щербак А. Н.

По какому рецепту готовить модернизацию: Есть ли взаимосвязь между изменениями в питании и модернизацией? / Андрей Щербак : Препринт М-93/22. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. — 28 с. — (Серия препринтов; М-93/22; Центр исследований модернизации).

Данная работа посвящена изучению роли изменения питания на процессы модернизации. В рамках теории модернизации редко делается отдельный акцент на вопросы питания; между тем фокусирование на этой теме позволит взглянуть на процессы развития на микроуровне — отдельных индивидов и домохозяйств. Понимая модернизацию как синдром, мы предполагаем, что изменения должны затронуть все слои общества. Тем самым мы не считаем модернизацию исключительно уделом элит. Интересующая нас проблематика рассматривается как в исторической перспективе, так и в современной. Показывается, что скудное питание могло быть одним из тормозов для развития традиционных аграрных обществ. Основная загадка в этой части сформулирована как направление каузальной связи между изменениями в питании и модернизацией. Рассматривая связь между питанием и модернизацией в современной перспективе, мы обращаем внимание на два практически противоположных тренда. С одной стороны, происходит очевидное улучшение питания как по объему калорий, так и по структуре. Суть этого тренда заключается в вестернизации питания; европейская диета отличается высоким содержанием престижных животных белков (в первую очередь мяса, молока). С другой стороны, в развитых странах разворачивается новый тренд — на самоограничение некоторых продуктов питания в рамках «зеленого перехода»; заявлена цель на снижение потребления мяса и молочных продуктов. В заключении полученные результаты соотносятся с рядом положений теории модернизации.

Информация об авторе: Щербак Андрей Николаевич — кандидат политических наук, заместитель заведующего Лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, руководитель департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, научный сотрудник Центра исследований модернизации ЕУСПб.

Введение

Есть ли у модернизации рецепт? Не только понимаемый как метафора в широком смысле, но и в прямом смысле — как набор продуктов питания, из которого можно «приготовить» модернизацию. В данной работе мы постараемся взглянуть на модернизацию с «низменного» ракурса — через призму «ножа и вилки», — в то же время не будем ограничиваться дисциплинарным полем антропологии или социальной истории и рассмотрим изменения в питании именно с точки зрения теории модернизации.

Теория модернизации напрямую не затрагивает изменения в питании как один из ключевых факторов социальной, экономической и политической трансформации. Однако неявно из основных положений модернизации можно сделать выводы, что урбанизация требует роста производства продовольствия для обеспечения снабжения городских жителей [Щербак 2018], индустриализация предполагает в том числе рост числа домохозяйств, не производящих продукты питания для себя и вынужденных покупать еду на рынке.

Согласно расхожему представлению, российский император Петр Первый, помимо проведения многочисленных реформ, был известен еще и своими указами из серии «кофе пить, табак курить, бороды брить!». Таким образом российский император рассматривал смену стиля потребления как важный элемент модернизации: без подражания наиболее продвинутым европейским нациям масштабные реформы не могли осуществиться. Современность предполагала импорт не только технологий и институтов, но и вкусовых привычек. К слову, в литературе много написано о советской «Книге о вкусной и здоровой пище» 1935 года как об элементе сталинской модернизации, предполагающей переход на научно обоснованное, полезное и здоровое питание [например, Попова 2020; Сохань, Гончаров 2013].

Иными словами, закономерный вывод о связи модернизации и питания заключается в понимании улучшения питания как следствия модернизации. В данном исследовании демонстрируется, что взаимосвязь между изменением питания и модернизацией глубже и масштабнее, чем это могло бы показаться. Каузальная связь не столь очевидна; мы покажем, что по ряду аспектов улучшение питания предшествовало модернизации.

С методологической точки зрения рассматривать модернизацию через историю изменения питания — интересный фокус, так как это позволяет взглянуть на многие социальные трансформации как на микроуровне, так и на макроуровне. Обязанность обеспечения продовольствием, предотвращение голода — базовая функция всех государств. Все традиционные государства являлись аграрными обществами, основой которых было сельское хозяйство. Для всех таких обществ выход из «ловушки отсталости» сопровождался в том числе изменением в питании. При этом изменение питания как количественное, так и качественное — индивидуальный уровень анализа, ведь еда потребляется конкретными индивидами. В своем роде это и дискуссия о микрооснованиях предпосылок к модернизации в исторической перспективе.

Можно также представить модернизацию как движение от голода и недоедания к сытости (и перееданию). Привлекательность модернизации — в противовес статус-кво традиционных обществ — на массовом уровне можно объяснить тем, что она прочно ассоциируется с повышением материального благосостояния, выражающегося в том числе в обильном питании. На примере анализа взаимосвязи между питанием и модернизацией на современном этапе мы показываем, что и в этом случае есть разнонаправленные тренды. Самые современные страны вроде бы и питаются лучше всех, тем самым задавая образцы для подражания, но в то же время демонстрируют новый курс на самоограничение потребления, что во многом связано с «зеленым переходом».

Структура работы выглядит следующим образом. В первой части мы изучим взаимосвязь модернизации и питания в исторической перспективе, фокусируясь на роли фактора питания для традиционных обществ и рассматривая проблему каузальности между улучшением питания и переходом к современному обществу. Во второй части в центре внимания будут отношения изменения питания и модернизации на современном этапе. Основной тезис работы состоит в том, что сегодня наблюдаются разнонаправленные тренды: с одной стороны, улучшение качества питания в развивающихся странах как результат глобализации, а с дру-

гой — самоограничение потребления в развитых странах как следствие начинающегося «зеленого перехода». В заключении предлагаются общие выводы по исследованию.

Модернизация и питание: историческая перспектива

Согласно эволюционной теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, движение обществ к современности невозможно без ценностного перехода. Ценности — это медиатор между экономикой и институтами; в данной теоретической концепции ключевую роль играет уровень экзистенциальной безопасности. Как только он снижается, экономическое и физическое выживание воспринимаются как данность, происходит ценностный переход. Смена ценностей означает смену политической культуры, что и приводит к изменению институтов в обществе [Инглхарт, Вельцель 2011; Inglehart 1997]. Эти предположения были подтверждены и в других работах: голод и недоедание, наряду с другими неблагоприятными факторами, способствуют формированию «жесткой» политической культуры [Gelfand et al. 2011]. Важную роль в концепции экзистенциальной безопасности играет питание: голод или постоянное недоедание делают ценностный переход невозможным. Следовательно, теоретически можно предсказать положительную связь между модернизацией и улучшением питания. Однако, как будет показано далее, эта связь не является ни линейной, ни очевидной по своей каузальности.

В исторической перспективе мы рассмотрим два аспекта интересующей нас взаимосвязи. Во-первых, это питание и зарождение традиционного государства, своего рода стартовая точка для анализа. Во-вторых, это наиболее интересующая нас дилемма модернизации: каузальная связь между улучшением питания и экономическим ростом.

Традиционное аграрное общество

Первыми формами цивилизации стали традиционные аграрные общества, в том числе в зародившихся государствах Ближнего Востока и Китая. Обсуждая причины и хронологию их зарождения, Джеймс Скотт формулирует парадокс: первые государства возникли намного позже появления оседлого земледелия и зарождения городских поселений [Скотт 2021]. Наиболее интересным наблюдением является тот факт,

что все первые государства оказались зерновыми цивилизациями. Злаки сами по себе могли варьировать, но только зерновые культуры оказались в фундаменте раннего госстроительства. Скотт объясняет это физическими и фискальными свойствами злаков: они созревают одновременно, с легко прогнозируемой урожайностью, злаки удобны в хранении и транспортировке. Следовательно, сборщику налогов относительно легко оценить размер урожая и его сроки, равно как и размер налога. Важно подчеркнуть, что ранние государства прилагали большие усилия, чтобы заставить крестьян сократить добычу и производство остальных видов продовольствия — охоты, рыбалки, сбора плодов леса, огородничества — и максимально сконцентрироваться на выращивании зерна [Эткинд 2020: 39]. В производстве пусть и более питательных, но в то же время скоропортящихся продуктов государства были не заинтересованы. Во всех ранних государствах зерно становится мерой обмена и учета; как итог — с нуля создается система контроля, включая письменность. Первые глиняные таблички почти полностью посвящены записям учета и контроля зерна и схожих припасов [Скотт 2021]. Зерно выступало мерой богатства, средством обмена и торга с негосударственными объединениями вокруг ранних государств.

Как уже отмечалось в предыдущих препринтах [Щербак 2017], структурные предпосылки к модернизации сильно зависят от характера экологических ниш и адаптации обществ к ним. Специфика экологических ниш — особенности географии, климата — обуславливала характер сельского хозяйства, в том числе репертуар культур для возделывания. Это влияло на характер социальных отношений в аграрных обществах: свободный или принудительный труд, особенности поземельных отношений и соответствующих им экономических и политических институтов. В предыдущих препринтах уже упоминалось о некоторых предполагаемых связях между отдельными культурами и социальными нормами. Пшеница сравнивалась с сахарным тростником [Fairbrother 2013], выступая признаком свободного труда против принудительного, а также с рисом в Китае [Talhelm et al. 2014], где она ассоциировалась с индивидуализмом, а последний — с коллективизмом. Ареалы выращивания ржи в Европе совпадали с районами повышенной частоты охоты на ведьм в Средние века [Кларк 2011]. Ареалы, наиболее пригодные для выращивания картофеля в Европе, были также районами более высокого демографического прироста [Nunn, Qian 2011; Эткинд 2020: 60–62].

Исследования показывают, что подушевого роста дохода до начала промышленной революции в начале XIX века практически не было, весь

экономический рост уходил в демографический прирост. Это также означает, что многие доиндустриальные общества почти всегда жили на пороге голода: в тучные годы лишние калории вели к росту населения, в тощие годы голод уносил лишние рты, в основном детей, больных, стариков. Если посмотреть на эту же ситуацию с иного ракурса, то можно выделить два типа диеты: «диета элит» и «диета простолюдинов». Элиты наслаждались обильной мясной диетой, ни в чем себе не отказывая. Отметим, что полноценное питание способствует развитию силы и интеллекта, еще более помогая закреплению привилегированного статуса элит. Бедняки ограничивались непритязательной зерновой диетой, бедной белком, но насыщенной углеводами, часто находясь на грани физического и экономического выживания. В прямом смысле слова их выживание зависело от капризов урожайности в данной экологической нише, еще больше усиливая социальную и экономическую зависимость бедных крестьян от аграрной аристократии. Одним из таких инструментов был механизм долга, подробно расписанный в работе Дэвида Гребера [Гребер 2021]. В очень грубом приближении, основу традиционных обществ составляли крестьянские домохозяйства, с характерными для них скудными зерновыми диетами. Такой тип питания содержал довольно мало полезных микроэлементов и витаминов, поощрял социальную и политическую апатию, подавлял интеллектуальную креативность в обществе [например, в Китае; см. Мокир 2014: 356], постоянно воспроизводил механизмы господства элит над населением, включая долг и принуждение. Неудивительно, что традиционными ценностями в теории Инглхарта были послушание, подчинение авторитету, иерархия [Инглхарт, Вельцель 2011].

С этой точки зрения, на микроуровне у модернизации были довольно мрачные перспективы. Совершенно неясно, какие могли быть у большинства домохозяйств стимулы к радикальным изменениям. Балансирование на грани выживания, апатия, установки на послушание, по сути, блокировали тягу к новому и более продуктивному: сохранение минимально необходимого выглядело предпочтительнее рискованных попыток приумножить имеющееся. Как писал Александр Эткин, «главная забота здесь не в том, что делать с избытком, а как избежать недостатка» [Эткин 2020: 43]. Традиционным элитам также не было особого резона менять статус-кво и рисковать своим привилегированным положением в таком обществе. «Помещик не был заинтересован и в сложных севооборотах, нужных для роста продуктивности: они только затрудняли сбор ренты. Улучшения земли, требовавшие капитала, тоже не входили в круг

его высоких интересов» [там же: 45]. Выжимание дополнительных излишков из подневольных крестьян — в виде различных налогов и податей — подразумевало разные стратегии, но в любом случае также создавало немного стимулов для модернизации.

Популярное сравнение Европы и Китая показывает, что производительность труда в сельском хозяйстве была примерно одинакова до 1800 года. Китайские крестьяне экспериментировали с новыми образцами традиционных культур, с новыми культурами, новыми подходами к севообороту. Впечатляющий рост населения Китая с 100 млн до 350 млн человек в период с 1600 по 1800 год свидетельствует о росте производительности труда на селе. Китайские крестьяне научились собирать по несколько урожаев в год. Но если в XIX веке в Европе производительность и зарплаты росли за счет промышленной революции, то в Китае они стали падать [Голдстоун 2014: 161–165]. Избыток сельского населения не смог перейти в промышленный сектор. Рост на основе интенсификации сельского хозяйства оказался мало связан с инновациями и технологической креативностью.

Многие традиционные общества до предела использовали возможности своих экологических ниш, оставшись без «экологических резервов» (свободной нераспаханной земли, леса, пастбищ и т. д.), и оказались в своего рода ловушке. Даже в самых богатых регионах высокая производительность труда в аграрном секторе оказывалась благом на одном историческом этапе — в виде роста зарплат и населения, — но оборачивалась большими проблемами на другом — аграрным перенаселением, снижением уровня жизни и социальными потрясениями. Любое значительное изменение статус-кво (например, эксперименты с другими культурами) грозило потерей экологического равновесия, продовольственными кризисами, социальными волнениями и считалось нежелательным [Мокир 2014: 345–350]. Таким образом поддерживался механизм мальтузианского равновесия. В какой-то степени в его основе была скудная зерновая диета как единственно доступный рацион питания в традиционных аграрных обществах.

Тогда как же произошла модернизация в европейских государствах? Не отрицая уже неоднократно обсуждавшиеся причины — развитие городской торговой экономики, коммерческая революция [Травин 2021], побочные эффекты геополитического соперничества [Тилли 2009], — мы предлагаем обратить внимание на возможную роль изменений в питании.

«Дилемма модернизации»

На наш взгляд, ключевым является вопрос о каузальности между модернизацией и изменением структуры питания. Что на что повлияло: экономический и технологический прогресс повлек за собой улучшение питания или изменение качества диеты европейцев стало одним из факторов радикальных изменений в этих обществах? Это мы и понимаем как «дилемму модернизации» в данном случае.

С одной стороны, модернизация приводит к изменению питания. Торговая революция, промышленная революция запускают экономический рост, в результате которого у граждан увеличиваются доходы, которые они могут потратить на дополнительные продукты питания. Растущий потребительский спрос, особенно в стремительно богатеющих торговых и промышленных центрах, является стимулом для производителей искать способы наращивания производства. Одновременным процессом становится заметное улучшение логистики (новые торговые пути и новые виды транспорта), что также дополняется и изобретением новых видов консервации ряда продуктов (от консервов до заморозки). Продавцы и производители предлагают потребителям новые виды продуктов, находят новые способы влияния на предпочтения (потенциальных) потребителей, в результате чего происходит постепенное изменение пищевых привычек — например, через подражание и т. д. Александр Эткинд описывает этот процесс как стремление заместить «сырое» «сухим»: снизить потребление продуктов, производимых непосредственно в натуральных хозяйствах, и повысить спрос на колониальные товары — сахар, кофе, чай, шоколад, специи и т. д. [Эткинд 2020]. Это наблюдение также свидетельствует о значительном расширении набора доступных продуктов питания для широких масс населения. Согласно данному подходу, урбанизация и индустриализация являются первичными по отношению к изменению уровня жизни и стилей потребления. Первыми от этих процессов могут выигрывать предприниматели, торговцы, городские жители, промышленные рабочие, а потом уже и остальные социальные группы. Экономист Томас Пикетти показывает, что во Франции улучшение уровня жизни для всех слоев началось примерно с «Прекрасной эпохи» — 1860–1870-х годов [Пикетти 2016].

С другой стороны, улучшение питания как раз запускает модернизационные процессы на микроуровне. Экономист Роберт Фогель предложил теорию «технофизиологической эволюции», согласно которой улучшение питания в раннее Новое время стало одним из факторов

экономического развития [Fogel, Costa 1997]. В традиционных обществах огромная часть населения трудоспособного возраста не могла работать из-за слишком скудного питания и вызванной им физической слабости. Такие люди существовали на грани физического выживания, во многом за счет милостыни, подаяний, случайных мелких заработков. Даже многие из тех трудоустроенных работников из-за скудного питания были подвержены повышенному риску хронических болезней, рано теряли силы и исключались из рынка труда. Постоянное недоедание прямым образом негативно влияло на общую производительность труда. Продолжительность жизни в традиционных обществах была низкой, а уровни заболеваемости и смертности — высокими. Соответственно, улучшение питания повысило и численность работников на рынке труда, и производительность самого труда. Хорошо питавшиеся работники могли и больше, и дольше работать, они были более экономически активны. Таким образом получался двойной позитивный эффект: удлинялся период трудоспособности и повышалась экономическая активность [ibid.]. В дальнейшем положительный эффект усиливался из-за структурных демографических последствий: сытые родители рожали более здоровых детей, которые благодаря полноценному питанию обладали хорошими когнитивными способностями и интеллектом, так необходимыми для получения образования. Экономист Ангус Дитон называет это явление «ловушкой рациона питания»: «Невысокие и легкие рабочие... не могли много зарабатывать, потому что они были слабы физически, и они не могли есть вдоволь потому, что без работы у них просто не было денег, чтобы купить себе еды» [Дитон 2016: 111]. Выход из этой ловушки возможен только с улучшением рациона питания; люди стали крупнее и сильнее и смогли лучше работать и больше зарабатывать. Другой экономист, Олед Гэлор предложил «объединенную теорию роста» (*unified growth theory*), в которой совместил экономические процессы с демографическими [Galor 2011]. По его мнению, экономический рост в исторической перспективе был бы невозможен без изменений в демографии, а именно одновременного снижения рождаемости и детской смертности. Только таким образом появляется возможность аккумулировать в обществе человеческий капитал и добиться роста ВВП на душу населения. Снижение детской смертности едва ли возможно без улучшения питания как матери, так и ребенка. Столь фундаментальные демографические сдвиги оказываются едва ли возможными без улучшения питания.

Такой взгляд на истоки модернизации смещает главные акценты на микроуровень, или уровень отдельных индивидов и домохозяйств.

Изучая микроуровень, мы можем предположить, что питание и образование сильно связаны между собой. Даже Джон Локк связывал их вместе, говоря, что «питание и образование детей являются настолько обязательными для родителей ради блага их детей, что ничто не может освободить их от обязанности заботиться об этом» [Локк 2014]. Можно выдвинуть как минимум два объяснения. Во-первых, сытые (дети) лучше учатся. Мозг и нервная система получают полноценное питание, ученики лучше усваивают получаемые знания. Иными словами, «голодное брюхо к учению глухо». Во-вторых, введение массового школьного образования, в том числе в деревнях, свидетельствует о возможности хотя бы временного отказа от детского труда в сельском хозяйстве. Значит, высока производительность труда в сельском хозяйстве и без детей можно создать достаточное количество продовольствия. Раннее введение всеобщего школьного образования является верным индикатором модернизации европейских обществ [Uslaner, Rothstein 2016]. Изменения в структуре питания оказываются одной из причин накопления человеческого капитала, косвенно влияя на внедрение массового образования и, следовательно, всеобщей грамотности и дальнейшего развития науки и техники. Без критической массы сытых и образованных людей европейской модернизации могло и не случиться.

Возникает закономерный вопрос: если сдвиг в питании является одной из причин модернизации, а не ее следствием, то что тогда оказывается причиной улучшения питания, учитывая схожий характер всех традиционных аграрных обществ? Можно высказать несколько предположений спекулятивного характера, но тем не менее имеющих статус возможных гипотез.

Во-первых, в долгосрочном историческом выигрыше оказались общества с изначальной, относительно более высокой долей животного белка в структуре традиционной диеты. Наиболее богаты животным белком такие продукты, как мясо, молоко, рыба. Про аномально высокую долю толерантности к лактозе среди стран Западной Европы было написано в одном из предыдущих препринтов [Щербак 2017: 25–26]. Помимо этого, многие источники отмечают и довольно высокий по мировым стандартам того времени уровень потребления мяса в Европе. Например, он был явно выше, чем в Китае, с его преимущественно «растительной диетой» [Эткин 2020: 74]. Отчасти высокий уровень потребления мяса можно объяснить наличием нераспаханных пространств для пастбищ — лугов, лесов. По ряду причин европейские общества сохраняли нетронутыми эти земли, что позволило держать

большое количество скота. После колонизации Северной Америки уровень потребления мяса среди европейских поселенцев стал еще выше. Кроме того, Европа омывается многими морями, что делает возможным вылов рыбы в больших масштабах. Географически от этого выигрывают прибрежные государства и государства-острова. Отметим, что примером такого государства является и Япония, которая сумела стать одним из наиболее модернизированных государств в Азии. Об успехах Японии в модернизации не раз говорилось и ранее. Отмечалось влияние местных религиозных институтов на становление капитализма [например, Коллинз 2015], а также качественные демографические сдвиги до начала промышленной революции [Welzel 2013]. Спекулятивно предположим, что обилие рыбы — как источника животного белка — могло стать одной из предпосылок успешности японской модернизации.

Интересно, но ареалы повышенного потребления животного белка — Западная Европа и Азия — совпадают с ареалом стран с высоким показателем «индекса прохладной воды» [Welzel 2021; Щербак 2021]. Вполне вероятно, что именно климатические, географические и гидрологические особенности региона определяют сельскохозяйственный потенциал экологических ниш и, следовательно, тип сельского хозяйства. В Китае, например, все пригодные земли были распаханы под злаковые и практически не оставалось мест для пастбищ, вследствие чего доля мясных продуктов там оказалась ниже [Эткин 2020: 74].

Во-вторых, Европа первой выиграла от «Колумбова обмена» между Старым и Новым Светом после открытия Америки. Колумб отправился в Америку, надеясь найти новый путь к индийским пряностям, то есть одной из главных целей путешествия было улучшение питания европейцев. Открытие и колонизация Нового Света привели, помимо всего прочего, к обмену сельскохозяйственными культурами. Из Южной Америки и Карибских островов европейцы стали вывозить «колониальные товары» — сахар, кофе, какао. Стоит отметить, что сахар является одним из очень калорийных продуктов; при быстром росте массовости его производства и потребления он оказался доступен практически всем слоям населения. Как пишет Эткин, «К 1750 году даже самые бедные работницы сельской Англии пили чай с сахаром» [там же: 118]. В Европу были перевезены и стали возделываться томаты, кукуруза, тыква и, конечно, картофель, который внес значительный вклад в питание европейцев в Новое время [Nunn, Qian 2011]. Не менее масштабным вкладом в улучшение питания европейцев стало открытие огромных запасов трески в районе Ньюфаундленда. Треска служила основой питания

для рабов на американских плантациях; в колониальной Америке она была главным источником белка. В больших объемах она импортировалась в Европу, а для католиков по двум сторонам Атлантики в период поста была незаменима [Эткинд 2020: 80]. Как утверждала поговорка того времени, «Треска — говядина бедняков». В обратном направлении в Америку были отправлены для культивации рис, виноград, фрукты, домашние животные. Добавим, что немаловажным экспортным товаром для европейцев в торговле с Азией, Африкой и Америкой был крепкий алкоголь [Hames 2012]. Обмен культурами внутри Старого Света тоже происходил, при этом инициаторами обмена опять же были европейцы. Из стран Азии были заимствованы такие культуры, как рис, пряности, фрукты. В результате европейцы ранее других обществ смогли начать улучшать свою диету как за счет культивации иногда более калорийных, иногда более разнообразных, иногда более непривычных культур у себя дома, так и за счет импорта продовольствия из своих колоний.

В-третьих, интенсивность «Колумбова обмена» явно свидетельствует о большей готовности Европы копировать новые пищевые привычки и ее открытости новому опыту. Не стоит недооценивать этот аспект. Опыт культивации новых, неизвестных культур есть, по сути, сельскохозяйственный эксперимент сродни эмпирическому эксперименту, ставшему прорывом в европейской научной традиции. Эксперименты с внедрением новых культур шли бок о бок с экспериментами в области посевной технологии с большим разнообразием семян и кормовых культур [Голдстоун 2014: 65]. В итоге в ряде районов Северо-Западной Европы, особенно в Англии и Голландии, появились зоны с крайне высокой производительностью аграрного сектора. Известно, что внедрение новых культур шло долго и не без проблем. Даже с картофелем ситуация была неоднозначная: где-то крестьяне легко принимали его, а где-то сопротивлялись ему. В 1830–1840-х годах в центральных российских губерниях прошли «картофельные бунты», которые пришлось усмирять войсками [Эткинд 2020: 61]. Традиция и упование на авторитеты стали отходить на второй план, уступая место опытному знанию, на основании проб и ошибок: так проходили инновации на микроуровне. С этой точки зрения модернизация основана не на чувстве собственного превосходства, а наоборот — на представлении о необходимости догонять другие общества, перенимая лучшие практики, в том числе пищевые привычки. Пример Европы Нового времени явно контрастирует со многими восточными обществами — например, Китаем, Японией, которые выбрали

курс изоляции от других стран, минимизируя импорт товаров и технологий, в том числе незнакомых и непривычных продуктов питания¹.

Наш вывод заключается в том, что в исторической перспективе наблюдается двойная, или взаимная, каузальность между модернизацией и изменением питания. Питание влияло на модернизацию, и модернизация влияла на питание. Несомненно, что улучшение в питании стало проявляться еще до европейской модернизации, в раннее Новое время — и как следствие изначальной доступности белковой пищи, и как результат активного заимствования новых культур благодаря «Колумбову обмену». Улучшение питания значительного числа европейцев внесло свой вклад в запуск модернизационных процессов на микроуровне. Однако отметим, что большинство изменений приводило лишь к увеличению количества доступных калорий и, следовательно, росту населения. Так как доход на душу населения практически не рос, улучшения могли происходить за счет удешевления отдельных продуктов питания и увеличения разнообразия питания. Качественные улучшения в питании были доступны далеко не всем. В то же время технический прогресс, порождаемый модернизацией после начала промышленной революции, привел к постепенному росту доходов довольно широких слоев населения. Больше доходов — больше возможности купить еды. Еще более поразительными стали технологические инновации, облегчившие доступ ко многим видам продуктов. Сложно переоценить важность изобретения железных дорог, промышленных холодильников, искусственных удобрений [Радкау 2014], процессов консервации и пастеризации для снабжения городских жителей. Новые технологии позволили прорыть новые каналы (в том числе Суэцкий и Панамский), построить новые большие корабли. Все это дало возможность ввести в промышленный оборот новые, до этого недоступные регионы с большим промышленным потенциалом. Самым ярким примером будет, пожалуй, Аргентина, чья мясная промышленность позволила ей стать одной из самых богатых экономик в конце XIX века. Экономический рост и тех-

¹ Разные авторы высказываются по-разному о внедрении китайцами американских культур. Так, Голдстоун пишет: «Начиная с XVI в. китайцы, по-видимому, опережали европейцев по части внедрения новых культур, обнаруженных в Америке (кукуруза, картофель, батат, арахис и кешью), в свой рацион и сельское хозяйство» [Голдстоун 2014: 162–163]. Мокир же отмечает, что «китайцы медленно осваивали кукурузу и картофель» [Мокир 2014: 353]. И далее: «Однако важнейшие продовольственные культуры, претендовавшие на пахотные земли, такие как кукуруза и картофель, осваивались медленно, несмотря на их преимущества» [там же: 349].

нологический прогресс оказались рецептами против «мальтузианской ловушки», которой так боялись мыслители Нового времени сначала для развитых стран, а в дальнейшем и для всего остального мира.

Модернизация и питание: современная перспектива

На первый взгляд, нет никакой особой загадки в связи между качеством питания и модернизацией в современном мире. Все наблюдения и умозаключения довольно тривиальны. Нет сомнений, что современные общества лучше питаются, чем традиционные. Более того, модернизированные, (пост)индустриальные, демократические общества лучше питаются по сравнению с развивающимися и неразвитыми странами — причем по всем показателям.

Демократии питаются больше и лучше, чем автократии [например, Vlaydes, Kayser 2011]. Мы сравнили демократии и автократии по объему потребляемых калорий, доле животных калорий, потреблению белка и животного белка в день (рис. 1–3). Все показатели демонстрируют превосходство диеты демократических стран; все различия статистически значимы.

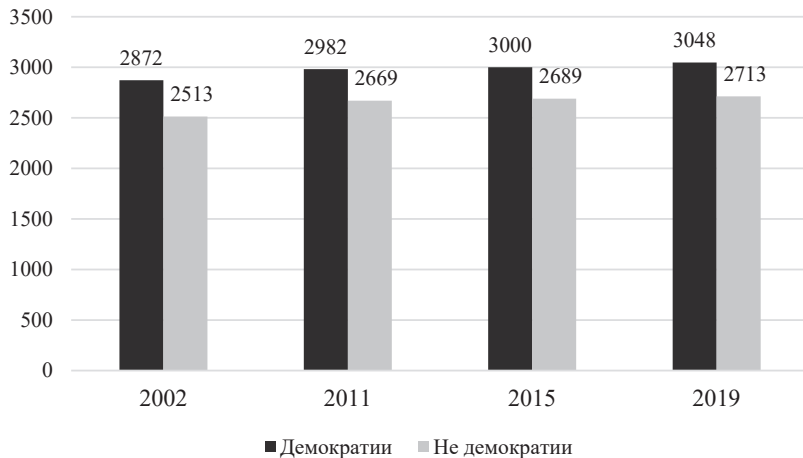

Рис. 1. Потребление калорий, чел./день, 2002–2011 гг., демократии и не демократии

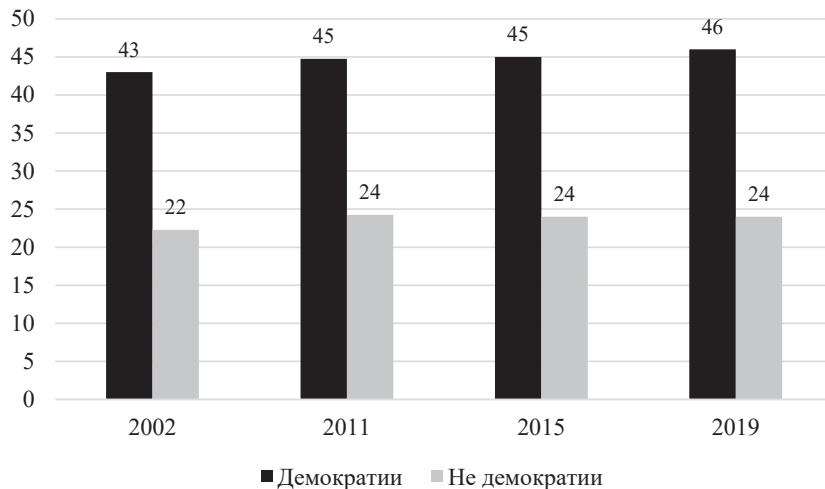
Источник: Freedom House; Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAOSTAT).

Рис. 2. Потребление белка, граммов/день/чел., 2002–2011 гг., демократии и не демократии

Источник: Freedom House; Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAOSTAT).

Рис. 3. Потребление животного белка, граммов/день/чел.

Источник: Freedom House; Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAOSTAT).

Можно сделать осторожный вывод о том, что привлекательность западных демократий отчасти построена на материальном изобилии, доступном обычным гражданам, в том числе в виде потребляемого количества престижной, дорогой, но в то же время массовой еды. При этом различия между пищевыми привычками внутри демократических обществ стираются. Уже нет такого разрыва по числу калорий и доле животного белка, как это было в традиционных обществах. Конечно, в развитых странах есть сосуществование высокой мишленовской кухни и «презренного» фастфуда/стритфуда, но все же различия по количеству и качеству калорий не столь резкие, как в традиционных обществах.

Европейская диета может считаться своего рода эталоном во всем мире с точки зрения наполнения ее престижными продуктами, богатыми животным белком. «Продовольственный транзит» для развивающихся обществ выглядит так: сначала происходит рост числа потребляемых калорий, потом рост потребления белка, наконец рост потребления животного белка. На основании данных о потреблении FAO STAT по 157 странам был предложен «индекс европейской диеты» [Shcherbak 2016]. Результат анализа показал, что европейская диета богата мясом, молоком, сахаром и алкоголем, с заметным снижением потребления злаковых и корнеплодов.

С другой стороны, картина является более сложной и многогранной. Можно выделить два разнонаправленных и одновременных процесса.

Во-первых, одно из измерений взаимосвязи модернизации и изменения питания заключается в глобализации — продовольственных рынках, снабжении питания, вкусовых привычках. В результате по всему миру распространяются европейские продовольственные практики, вытесняя традиционные местные диеты. Локальные цепи поставок подчиняются глобальным, местные продукты и даже кухни вынуждены конкурировать с глобальными брендами и стандартами. Иными словами, местные производители проигрывают крупным продовольственным гигантам. «Еда из супермаркетов» — промышленного производства, с долгими сроками хранения, высококалорийная, полная консервантов, богатая углеводами и жирами — вытесняет традиционные диеты на основе свежих, местных продуктов, предлагавшихся торговцами с рынков и лавок. Международные сети фастфуда начинают успешно конкурировать с локальными формами общепита. Этот процесс имеет разные последствия. Позитивным результатом является появление изобилия продуктов со всего мира, снижение цен и доступность еды для большого числа небогатых жителей. Данные говорят, что общее число потребляемых в мире

калорий растет. Менее желаемым результатом является повышение зависимости местных рынков от глобальных поставок, привыкание населения к «плохой еде» (с недостаточным количеством микроэлементов, с вредными добавками), резкий отказ от своих пищевых традиций. Эти тезисы хорошо иллюстрируют данные по физиологическим изменениям населения развивающихся стран — росту и весу.

Таблица 1. Ранжирование стран по «индексу европейской диеты», 2019 год

Топ-10 стран наверху рейтинга		Топ-10 стран внизу рейтинга	
Страна	Баллы	Страна	Баллы
Исландия	2,090	Гана	-1,556
Хорватия	1,655	Мозамбик	-1,584
Эстония	1,647	Мадагаскар	-1,587
Швейцария	1,565	Нигерия	-1,693
Багамы	1,539	Того	-1,711
Дания	1,534	Сьерра-Леоне	-1,752
Австралия	1,518	Бангладеш	-1,819
Чехия	1,501	Руанда	-2,154
США	1,469	Эфиопия	-2,186
Финляндия	1,469	Нигер	-2,338

Примечание: Рейтинг представляет собой результат факторного анализа; значения стран («баллы») — факторные нагрузки по одному из факторов, названному «индекс европейской диеты». Факторы, включая «индекс европейской диеты», рассчитывались на основе значений дневных долей десяти типов продуктов (злаковые, овощи, фрукты, мясо, молоко, рыба, сахар, бобовые, корнеплоды, алкогольные напитки) от итогового дневного потребления калорий. Более подробное описание — см. в работе [Shcherbak 2016].

Представленные в табл. 2 и 3 данные довольно точно схватывают эти изменения. Модернизация влечет за собой повышение роста людей. Отметим, что более высоким людям требуется больше питания для поддержания метаболизма. Развитые общества намного выше по среднему росту, чем неразвитые. Верна и обратная связь: правительства модернизирующихся стран стараются принимать меры по повышению среднего роста. Так, в Китае приняты на государственном уровне программы, стимулирующие потребление молока среди детей (при невысокой доле

переносимости лактозы у китайцев) — из-за убеждения, что богатые кальцием и другими микроэлементами молочные продукты способствуют росту костей [Wiley 2011].

Таблица 2. Самые высокие нации, средний рост в см, муж./жен., 2020 год

Страна	Рост М (см)	Рост Ж (см)
Нидерланды	184	170
Черногория	183	170
Эстония	182	168
Дания	182	169
Босния и Герцеговина	182	167
Исландия	181	168
Чехия	181	168
Словения	181	167
Словакия	181	167
Хорватия	181	167

Источник: <https://www.worlddata.info/average-bodyheight.php>

Таблица 3. Самые низкие нации, средний рост в см, муж./жен., 2020 год

Страна	Рост М (см)	Рост Ж (см)
Восточный Тимор	159	152
Лаос	162	153
Йемен	163	154
Непал	164	152
Гватемала	164	151
Камбоджа	165	154
Мадагаскар	165	153
Филиппины	165	154
Бангладеш	165	152
Бруней	166	155

Источник: <https://www.worlddata.info/average-bodyheight.php>

Таблица 4. Самые полные нации, муж./жен., 2020 год

Страна	Вес, кг, М	ИМТ, М	Вес, кг, Ж	ИМТ, Ж
Острова Кука	103,7	32,7	92,8	33,3
Американское Самоа	103,2	33,1	98,1	35,2
Токелау	99	32	92,5	33,7
Ниуэ	98,8	31,5	92,6	33,4
Французская Полинезия	93,8	29,6	81,3	29,5
Тонга	93,7	30,7	93,1	33,9
Науру	93	32,4	82,4	33,1
Чехия	91,9	28,1	74,2	26,4
Самоа	91,8	30,5	90,5	34,1
Хорватия	91,3	28	74,7	26,9

Источник: <https://www.worlddata.info/average-bodyheight.php>. ИМТ — индекс массы тела.

Таблица 5. Самые худые нации, муж./жен., 2020 год

Страна	Вес, кг, М	ИМТ, М	Вес, кг, Ж	ИМТ, Ж
Восточный Тимор	53,9	21,2	49	21,2
Эфиопия	56,5	20,1	51,9	21
Бангладеш	57,7	21,3	50,5	21,8
Мадагаскар	58,4	21,5	49,2	21,1
Эритрея	58,8	20,3	52,2	21
Лаос	59,5	22,6	53,7	23
Индия	59,6	21,7	52,5	21,9
Камбоджа	59,7	22	52,8	22,2
Демократическая Республика Конго	60,2	21,4	55	22,6
Бурунди	60,5	21,8	51,5	21,5

Источник: <https://www.worlddata.info/average-bodyheight.php>. ИМТ — индекс массы тела.

Данные по весу и индексу массы тела (табл. 4 и 5) показывают более противоречивую картину. Если ранее большой вес являлся признаком богатства, то теперь это не так. Среди самых полных наций практически нет самых развитых. Отличительная черта модернизации — высокий рост, но не большой вес. Причина бедности — скудные по структуре, но не по размеру калорий диеты, состоящие из «еды из супермаркета», дешевой, насыщенной быстрыми углеводами.

Семь из десяти самых тучных наций (ИМТ 30+, согласно определению Всемирной организации здравоохранения) проживают на небольших островах в Тихом океане — Острова Кука, Науру, Американское Самоа, Токелау, Тонга, Ниуэ и Французская Полинезия. Предыдущие наблюдения показывали те же результаты [см. Brooks 2011]. Поразительно, но у жителей этих островов, возможно, была самая здоровая диета в мире — рыба, морепродукты и водоросли. После включения в глобальную экономику эти общества продали рынку свои биологические ресурсы и стали питаться «едой из супермаркета». Пожалуй, это один самых наглядных образов модернизации: европейская диета приходит быстрее, чем европейские институты.

Во-вторых, в последние годы можно обнаружить тренд на самоограничение в питании в развитых странах. Они уже достигли пика потребления наиболее престижных продуктов, данные показывают постепенное снижение потребления мяса и молока как минимум в отдельных странах. Так, в Нидерландах дневное потребление мясных калорий снизилось с 431 до 285 с 2002 по 2019 год; во Франции — с 531 до 434 за тот же период [FAOSTAT]. Можно обнаружить постоянные призывы к отказу от красного мяса, обсуждение необходимости массового производства искусственного мяса, проекты о введении налога на потребление излишней еды, налога на сахар. Достоверных данных о доле вегетарианцев в страновом разрезе нет. Однако доступные данные показывают, что самые высокие доли вегетарианцев наблюдаются за пределами западного мира. Первое место занимает Индия с 38 % вегетарианцев, второе — Мексика с 19 %, третье — Бразилия с 14 %, четвертое — Тайвань с 13–14 %, пятое — Израиль с 13 % [Vegetarians 2022]. Другие источники показывают в целом схожую картину [Sawe 2019]. В одном тренде смешались религиозные запреты и экономические ограничения в развивающихся странах и постматериалистические установки развитых стран. При этом исследования показывают, что доля вегетарианцев и веганов растет в развитых странах [например, Kim 2022]. Есть мнение, что важную роль в этом процессе играют эмансипативные ценности как ми-

нимум на индивидуальном уровне [Dietz et al. 1995]. При этом проведенный нами корреляционный анализ не выявил значимой связи между долей вегетарианцев и индексом эмансипативных ценностей ($r=-0,057$, $p=0,746$, $N=35$). Скорее всего, такой результат можно объяснить особенностями выборки: бедные, неземансипированные страны с высокой долей «старых» вегетарианцев сводят на нет эффект в странах с «новыми» вегетарианцами.

Ключевым фактором для измерения качества питания оказывается углеродный след различных типов продуктов. «Зеленая повестка», активно проводимая европейскими странами, включает добровольное самоограничение в потреблении как новый стандарт. С этой точки зрения, производство мяса оставляет намного более значительный углеродный след, чем растительная пища.

Аргументы сторонников радикального сокращения потребления продуктов животного происхождения довольно красноречивы. Они указывают, что рост потребления молока и мяса (особенно говядины) — угроза экологической стабильности планеты. За последние пятьдесят лет количество сельскохозяйственных животных возросло в четыре раза. Каждый год количество ферм и животных растет, а к 2050 году потребление мяса может увеличиться еще на 76 % [Волобуева 2022]. Вероятно, эта цифра отражает рост потребления данных продуктов в развивающихся странах. Утверждается, что крупный рогатый скот вносит наибольший вклад в увеличение выброса парниковых газов. На один грамм белка говядины приходится в двадцать раз больше земли, чем на такое же количество белка из бобовых. 77 % всех сельскохозяйственных площадей занимает животноводство: пастбища, фермы и земля, на которой выращивают еду для сельскохозяйственных животных [там же]. Избежать приближающейся катастрофы можно только через (само)ограничение потребления продуктов животного происхождения, особенно красного мяса. Список продуктов с наиболее высоким углеродным следом возглавляют говядина, баранина, сыры, шоколад, креветки, кофе [Bandera 2021]. Парадоксально, но это тот же список, что обсуждался чуть выше. Наиболее престижные продукты из списка европейской диеты оказываются и наиболее опасными в логике «зеленого перехода». Весьма вероятным итогом этой политики станет введение мер, стимулирующих ограничение потребления продуктов с высоким углеродным следом, включая информационные кампании, экологические налоги и прямые ограничения. Приоритет же должен отдаваться растительной пище, включая, например, такие инновационные продукты, как искусственное

мясо [Зуйкова 2021]. Рынок последнего растет, ряд компаний, например Beyond Meat, проводят громкие IPO, а мясозаменители уже попадают в глобальные сети фастфуда, такие как KFC, Burger King, McDonald's, Subway. Цена на искусственное мясо начинает резко падать, превращая его в доступный широким массам продукт. Возможно, в скором времени настоящее мясо станет деликатесом, доступным по цене лишь элитам, а искусственное мясо станет массовым продуктом для широких слоев населения.

«Зеленая повестка» предполагает довольно внушительное изменение стиля потребления в развитых странах, в каком-то смысле разворачивая вспять многовековой тренд на увеличение доли животных белков в рационе питания. Подчеркнем, что эти изменения происходят на фоне ценностного перехода в развитых странах: эмансипативные ценности включают защиту окружающей среды как важнейший элемент. Изменение климата, сохранение биоразнообразия оказываются важнее других аспектов материального благополучия. В развитых странах «зеленая повестка» трансформируется не только в призывы к ограничению потребления питания, но и к ограничению мобильности, отказу от углеводов, более осознанному потреблению и стилю жизни во всех сферах. В то время как развивающиеся страны стремятся увеличить долю престижных продуктов, развитые страны начинают от них отказываться. Сложно сказать, какие будут у этих двух трендов долгосрочные последствия, но пока это не выглядит как отход от базовой идеи — восприятия модернизации как прогресса.

Заключение

В какой степени модернизация меняет свой «рецепт»? Поменяет ли модернизация свой вкус? Изменения в питании стали одним из наиболее заметных спутников модернизации, вопрос в том, с какой методологической перспективы нам стоит оценивать эти сдвиги. Можно даже сказать, что мало какой показатель как изменения в питании демонстрируют весь потенциал прогрессивных трансформаций в обществе, как на микроуровне, так и на макроуровне. На наш взгляд, это позволяет под другим углом еще раз взглянуть на микроуровень, на уровень индивидов и домохозяйств и составить представление о низовых стимулах к модернизации.

Вопреки ожиданиям, в том числе Томаса Мальтуса, улучшение питания в глобальном масштабе происходило одновременно со взрывным

ростом населения. Хотя голод еще не отступил, в большинстве стран правильнее говорить не о голоде (в результате которого умирают многие тысячи людей), а о недоедании (недостаточном потреблении калорий). Современные возможности производства, логистики и распределения продовольствия позволяют накормить хотя бы минимальным количеством продовольствия любое количество населения в любой точке мира. Более того, вспышки голода или массового недоедания скорее свидетельствуют не о физической нехватке продовольствия (например, вследствие неурожая) или о провале экономической политики правительства, а о политическом провале государства — или очевидном случае «недостойного правления», или о несостоятельности политического режима.

Фокус на вопросы питания также позволяет лучше оценить роль государства в процессе модернизации. Снабжение населения продовольствием, недопущение голода считается одной из базовых функций государства со времен начала государственности [Скотт 2021]. Однако при более детальном рассмотрении влияние государства на обеспечение продовольствием, особенно в современности, — минимальное. Кэролин Стил в своей книге «Голодный город» [Стил 2014] довольно четко показывает, что снабжает продовольствием население именно рынок. Да, есть программы продовольственных субсидий бедных групп населения в ряде стран, но это небольшие исключения. Государство задает стандарты и создает правила, но все определяет рынок [там же]. Рынок отвечает за производство, логистику, стили потребления. Люди делают свой выбор на микроуровне, и мириады таких «микровыборов» формируют ту стихию, которая и приводит к фундаментальным переменам в обществах. Изменение питания к лучшему потенциально несет в себе мощные эмансипирующие эффекты, которые вписываются в теоретическую рамку теории модернизации. Ранее уже выдвигалось подобное предположение [Shcherbak 2016].

Первый эффект — социально-психологический. Постоянный доступ к престижным продуктам типа мяса и молока повышает рост ощущения экзистенциальной безопасности, что крайне важно для перехода от традиционных ценностей к ценностям самовыражения [Norris, Inglehart 2004].

Второй эффект — социально-политический. Обилие еды порождает автономию индивидов, что вносит свой вклад и в укрепление политической автономии. Распределение еды является одной из мощнейших основ поддержания сетей патронажа и клиентелизма в бедных странах [e. g., Hendrix, Haggard 2015; Penfold-Becerra 2007; Ansell, Mitchell 2011]. Политические лидеры покупают лояльность бедняков (иногда в форме голо-

сов на выборах) на субсидии на базовые продукты или просто продуктовые наборы. Сытые граждане склонны выпадать из сетей патронажа.

Третий эффект — когнитивный. Хорошее, полноценное питание улучшает здоровье индивидов; особенно это важно при беременности и кормлении младенцев. Правильная диета — и по числу калорий, и по их «качеству» — способствует нормальному развитию жизненно важных органов, особенно нервной системы. Хорошо питающиеся дети получают способность развивать свои когнитивные навыки, что позитивно влияет на их образование.

Качественное питание и образование, тесно связанные между собой, — необходимый элемент для модернизации. Фокусирование на разных аспектах этого процесса, который стоит понимать как синдром, позволит пролить свет на многие грани, которые ранее оставались в тени.

Литература

Волобуева М. Как мясо, молоко и яйца стали одной из главных угроз экологии. РБК тренды, 6 мая 2022; URL : <https://trends.rbc.ru/trends/green/5f05e5b89a7947df0fab0a3c> (доступ 18.05.2022).

Голдстоун Д. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Гребер Д. Долг: Первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2021.

Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Зуйкова А. Как в России делают искусственное мясо. РБК тренды. 10 июня 2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5f0c48ec9a79475877a0ece5> (доступ 18.05.2022).

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Кларк Д. Микробы, гены и цивилизация. М.: Эксмо, 2011.

Коллинз Р. Макроистория. Очерки истории большой длительности. М.: URSS, 2015.

Локк Дж. Два трактата о правлении. Челябинск: Социум, 2014.

Мокир Дж. Рычаги богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2016.

Попова О. Д. «Книга о вкусной и здоровой пище» в системе формирования новых социальных практик питания в 1920–30-е годы // История: факты и символы. 2020. № 4(25). С. 21–31.

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.

Скотт Дж. Путем зерна. Глубинная история древнейших государств. М.: Издательский дом «Дело», 2021.

Сохань И. В., Гончаров Д. В. Социокультурная инженерия тоталитаризма: советский гастрономический проект // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2013. № 2(69). С. 142–155.

Стил К. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь. М.: Strelka Press, 2014.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.

Травин Д. Почему Россия отстала? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

Щербак А. Как происходит изначальный выбор институтов? Критика концепции «случайности развития» и структурный подход. Препринт М-54/17. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017; URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_54_17.pdf.

Щербак А. Парадоксы европейской урбанизации в раннее Новое время (1500–1800 гг.): структурный подход. Препринт М-66/18. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018; URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_66_18.pdf.

Щербак А. Геоклиматические основания модернизации: теория «прохладной воды» Кристиана Вельцеля и ее критика. Препринт М-84/21. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. URL: <https://eusp.org/sites/default/files/inline-files/Геоклиматические%20основания%20модернизации.pdf> (доступ 18.05.2022).

Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Ansell A., Mitchell K. Models of clientelism and policy change: The case of conditional cash transfer programmes in Mexico and Brazil // *Bulletin of Latin American Research*. 2011. No. 30(3). P. 298–312.

Bandera G. Here are 7 foods with high carbon footprints // *Fair Planet*. December 27, 2021; URL: <https://www.fairplanet.org/story/7-foods-with-high-carbon-footprints/> (доступ 18.05.2022).

Blaydes L., Kayser M. A. Counting calories: Democracy and distribution in the developing world // *International Studies Quarterly*. 2011. No. 55(4). P. 887–908.

Brooks R. C. Sex, Genes and Rock'n'Roll: How evolution has shaped the modern world. Sydney: University of New South Wales Press. 2011.

Dietz Th. et al. Values and Vegetarianism: An Exploratory Analysis // *Rural Sociology*. 1995. No. 60(3). P. 533–542.

Fairbrother M. The Political Economy of Religiosity: Development and Inequality Reconsidered. Working Paper. 2013; URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.462.28&rep=rep1&type=pdf> (доступ 18.05.2022).

FAOSTAT Food balance sheets; URL: <http://faostat3.fao.org/home/E> (доступ 18.05.2022).

Fogel R. W., Costa D. L. A theory of technophysio evolution, with some implications for forecasting population, health care costs, and pension costs // *Demography*. 1997. No. 34(1). P. 49–66.

Galor O. Unified growth theory. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.

Gelfand M. et al. Differences Between Tight and Loose Cultures // *Science*. 2011. No. 27. P. 1100–1104.

Hames G. Alcohol in World History. London and New York: Routledge. 2012.

Hendrix C. S., Haggard S. Global food prices, regime type, and urban unrest in the developing world // *Journal of Peace Research*. 2015. No. 52(2). P. 143–157.

Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1997.

Kim H. Is veganism becoming more popular? Using data to track the growing trend. SentimentMedia, May 13, 2022; URL: <https://sentientmedia.org/increase-in-veganism/> (доступ 18.05.2022).

Norris P., Inglehart R. Sacred and secular: Religion and politics worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Nunn N., Qian N. The Potato's Contribution to Population and Urbanization: Evidence from a Historical Experiment // *The Quarterly Journal of Economics* 2011. No. 126. P. 593–650.

Penfold-Becerra M. Clientelism and social Funds: Evidence from Chavez's Misiones // *Latin American Politics & Society*. 2007. No. 49(4). P. 63–84.

Ross M. Is democracy good for the poor? // *American Journal of Political Science*. 2006. No. 50(4). P. 860–874.

Sawe B. Countries with the highest rates of vegetarianism. WorldAtlas. September 19, 2019; URL: <https://www.worldatlas.com/articles/countries-with-the-highest-rates-of-vegetarianism.html> (доступ 18.05.2022).

Shcherbak A. The Recipe for Democracy? The Spread of European Diet and Political Change? 2016. No. 70 (National Research University Higher School of Economics. Series WP BRP “Basic research program”); URL: <https://publications.hse.ru/preprints/185617057> (доступ 18.05.2022).

Talhelm T. et al. Large-Scale Psychological Differences Within China Explained by Rice Versus Wheat Agriculture. *Science*. 2014. No. 344(6184). P. 603–608.

Uslaner E.M., Rothstein B. The Historical Roots of Corruption: State Building, Economic Inequality, and Mass Education // *Comparative Politics*. 2016. No. 48(2). P. 227–248.

Vegetarians. Vegetarians by country, 2022; URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Vegetarianism_by_country (доступ 18.05.2022).

Welzel C. Freedom rising. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Welzel C., Kruse S., Brieger S., Brunkert L. The Cool Water Effect: The Geo-Climatic Origin of the West's Emancipatory Drive. Unpublished manuscript. 2021.

Wiley A. Milk for “Growth”: Global and Local Meanings of Milk Consumption in China, India, and the United States // *Food and Foodways: Explorations in the History and Culture of Human Nourishment*. 2011. No. 19(1–2). P. 11–33.

Андрей Щербак

**По какому рецепту готовить модернизацию: Есть ли взаимосвязь
между изменениями в питании и модернизацией?**

Препринт М-93/22

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 09.06.2022.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.